

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Анализируется позиция российских либералов XIX в. в отношении возможности трансформации национально-государственного устройства России на фоне доминировавшего в европейской общественной мысли учения о праве наций на самоопределение и создание национальных государств. Рассматриваются варианты экстраполяции общих принципов национальной политики в либеральной трактовке на российские реалии второй половины XIX в.

Ключевые слова: национальное государство; многонациональное государство; ассимиляция.

Развернувшиеся в середине XIX в. в Европе национальные движения актуализировали идею о праве каждого народа на создание национального государства. В самой России стали заметными процессы национальной консолидации у многих народов. К традиционному «польскому вопросу» прибавились «малорусский», «финский», «кавказский». В этих условиях российская интеллектуальная элита, в том числе ее либеральное направление, должна была сформулировать свою позицию на перспективы национально-государственного устройства России. Российские либералы осознавали сложность и вариативность реализации задачи формирования национального государства в полиэтничной России. Следует учесть принадлежность значительной части российских либералов к «государственной школе», рассматривавшей государство важнейшим регулятором общественных процессов. В результате проблема соотношения народности (национальности) и государства заняла центральное место в национальной программе российского либерализма второй половины XIX в.

Б.Н. Чичерин для конкретизации рассматриваемых отношений разделял народность как этническую группу и народ в «юридическом смысле» как население государства. В первом случае народность – совокупность людей, связанных «естественным происхождением и духовным единством» [1. С. 4]. Внешним признаком такого единства ученый определял язык. Здесь можно говорить об использовании понятия «народ» как национальности. Сам ученый для более четкого отграничения народа как этнического образования предлагал использовать термин «народность». Народность, по Б.Н. Чичерину, формировалась из кровно-родственных союзов – племен. Но это было не просто результатом механического соединения племен или увеличения их численности. От племени народность отличалась тем, что в первом преобладала связь, основанная на единстве происхождения, а во второй – сознание духовного единства. Народность, таким образом, позиционировалась как качественно более высокая форма сообщества: «Народ образует единичную духовную личность, которая сознает себя таковой и в проявлении своих духовных особенностей видит высшее свое назначение». Племена, сплоченные только совместным происхождением, легко распались под действием внешних обстоятельств. Народность же, «сознавая себя, как единую духовную сущность», не только демонстрировала большую стабильность, но и приобретала ассимиляционные способности [Там же. С. 80–82].

В результате на основе общности языка могли формироваться сложные этнические образования из изначально существенно различавшихся племен. При

этом доминирующим становилось одно из племен, осознавшее свое духовное единство: «Подчиненные племена, не обладавшие духовной самобытностью, входят в состав господствующего народа, воспринимают его язык, понятия и нравы и окончательно сливаются с ним совершенно» [2. С. 68]. Так, великорусская народность впитала в себя элементы финские и татарские. Разнохарактерность этнической основы, писал ученый, «способствовала разнообразному развитию жизни» народа. Язык, становясь основой для создания национальной литературы, образовывал новый – высший уровень духовного единения, сплачивая интеллектуальную элиту народности. Эта связь настолько прочна, что была в состоянии поддерживать национальную идентичность даже в условиях политической раздробленности. Более того, она могла стать фактором восстановления государственного единства народности, что продемонстрировали Италия и Германия [Там же. С. 69].

Народ «в юридическом смысле» у Чичерина – «совокупность граждан, живущих на своей территории и образующих одно юридическое целое» [1. С. 5]. То есть народ – это народность, организованная в государство. В таком случае объединяющими факторами становились единый закон и общая территория, на которую распространяется власть правительства. Народность стремится к государственной форме организации, так как, только став народом, обретает статус самостоятельного субъекта исторического развития. Однако для этого народность должна обладать рядом особых свойств, иметь «высшее политическое сознание и государственную волю, которые находятся не у всякого» [Там же. С. 82–83]. Понятия «народ» и «государство» не тождественны, так как государство включало народ, а также власть (правительство) и закон. Поэтому власть и народ могли обладать разными целями и интересами, но должны были стремиться к взаимодействию, являвшемуся основой жизнеспособности государства. Для государственной власти абсолютным приоритетом должно быть стремление к благу народа. Народ же обязан «разумно и добровольно подчиняться верховной власти и поддерживать ее всеми силами». Поэтому народность, не обладавшая подобным качеством, «никогда не образует государства, и если в нем установится нечто похожее на государственный порядок, он будет всегда непрочен» [Там же. С. 83].

Испытанием государства на прочность становились не только внутренние, но и внешние вызовы. Ученый отрицал наличие закона в межгосударственных отношениях, здесь действовало право сильного. Способность народа консолидироваться с властью, по

мнению Чичерина, являлась источником силы, необходимой для выживания в условиях противостояния на международной арене: «Таким образом, способность народа доказывается историей. Этим, с нравственной точки зрения, не оправдываются притеснения и насилия, но этим объясняются исторические события» [1. С. 82].

Кроме того, народ должен был «уметь драться», т.е. стремиться к отстаиванию независимости, выделяя из своей среды лидеров, проявляя массовый героизм и самопожертвование. Народности, не проявившие государственных талантов, обречены были «подчиняться другим народам и входить в состав других государств» [Там же. С. 82–83]. Кроме качеств и предпосылок, зависевших от народности, существенное значение имели и внешние обстоятельства, которые могли способствовать формированию национального государства или затруднить его. Немаловажную роль играл географический фактор. Естественные природные барьеры позволяли народности локализоваться и отделяли ее от соседей. Нахождение народности между других крупных этнических образований, тем более в рамках многонационального государства, делало перспективу независимости труднореализуемой [3. С. 83–84].

Таким образом, образование национального государства – возможность, которую народ мог реализовать, проявив определенные качества. Поэтому ученый отказывался рассматривать право народов на создание государства как юридическую категорию. Народность, в его представлении, не могла являться субъектом права. Она определялась как «общая духовная стихия, не имевшая ни воли, ни прав». Только организовавшись в государство, народ становился источником права, если его воля становилась как верховная законная власть. Б.Н. Чичерин вывел, казалось бы, парадоксальную формулу: «Тот только народ имеет право на независимость, который уже приобрел независимость» [1. С. 80].

Далее он пояснял, что правильнее перевести данную проблему из области права в область политики: «Когда существующий законный порядок приходит в столкновение с желаниями и стремлениями подчиненного ему народа, то можно спросить: до какой степени этот порядок удовлетворяет государственной цели, то есть общему благу, а с другой стороны, до какой степени эти желания и стремления разумны и способны установить лучший порядок?» [Там же. С. 84]. Другими словами, ученый не считал необходимым фиксировать право народа создавать государство в юридических нормах, но не отрицал права народов бороться за независимость. Только национальность, способная организоваться на политическом уровне, выступить как единая сила, могла рассчитывать на признание в качестве субъекта права. В реалиях XIX в. право наций на самоопределение не закреплялось в качестве правовой нормы ни в национальных, ни в международных правовых актах. Признание со стороны других государств получали народы, отстаивавшие или завоевавшие право на государственность. Однако право наций на самоопределение стало важнейшей идеологемой в общественном сознании европейцев. В силу этого народы, сражавшиеся за независимость, получали международную

поддержку, что в ряде случаев играло большую роль в обретении ими суверенитета [3. С. 85].

Б.Н. Чичерин был против абсолютизации цели обретения национальной государственности. Он считал, что должны учитываться все обстоятельства и просчитываться все последствия борьбы за независимость. Кроме того, независимость должна приносить народу пользу в части приобретения более комфортных условий существования, более благоприятных перспектив развития. В варианте Греции и Болгарии эта выгода была очевидной, поскольку освобождение от османского владычества не только позволило сохранить духовную основу народов, но и создавало условия для роста их благосостояния. Однако ученый не был уверен, что материальные затраты и потери, понесенные итальянцами, были оправданы образованием национального государства. Оно виделось ему искусственной политической конструкцией, в которой реализовались скорее амбиции отдельных личностей и компромисс между Австрией и Францией, нежели интересы итальянского народа [Там же. С. 92–93]. Наконец, образование новых национальных государств приводило к изменению баланса сил в Европе и грозило дестабилизацией. Создание Германской империи в основе имело стремление немецкого народа к объединению. Однако, реализованное в деятельности немецкой политической элиты, оно привело к череде войн, а чрезвычайная милитаризация и агрессивность нового государственного образования в центре Европы грозили новыми войнами [Там же. С. 95–96].

Этничность и государственность в концепции юриста тесно связаны. В результате государство, в представлении Б.Н. Чичерина, являло «организацию народной жизни, сохраняющейся и обновляющейся при непрерывной смене поколений». Только обретя государственную форму, народ становился «исторической личностью» и исполнял свое историческое назначение. Это неизбежно вызывало влияние особенностей народа, данных природой и выработанных историей, на характер государственной власти. Он писал, что в государстве выражаются физиологические и духовные свойства народа. Сущность государства универсальна и не имеет национальных черт, поскольку «коренится в неизменной природе человеческого общежития». Но «этнографическое начало» определяло сами способы реализации государственной власти [1. С. 9].

Народ, выступая духовной общностью, стремился обрести государственное единство, но и государство эксплуатировало идею народности для обеспечения государственной консолидации. По мнению Б.Н. Чичерина, государство не могло быть основано на отвлеченно-нравственном, или общечеловеческом, начале, которое использовала церковная организация. В государстве же необходима была общность всех интересов и «проникающая отсюда единство воли, направляющая общую деятельность». Такое единство могло быть достигнуто только на основе народности и, по мнению ученого, субъектом государства являлся «народ, а не более обширное соединение людей» [Там же. С. 82].

Идею мирового государства он считал несбыточной утопией. Многонациональные государства, «далеко заходящие за пределы народности, естественно стре-

мятся к распаденю». Различие естественных и исторических условий, при которых живут народы, породило различие народных характеров, направлений и интересов. Все это неизбежно приводило к политической децентрализации. Вывод ученого был достаточно категоричен: «Юридическая власть принадлежит не общему безличному духу, а живому союзу людей, то есть народу, устроенному в государство» [1. С. 82]. Поэтому патриотизм как чувство сопричастности к данному государству носил этническую окраску, поскольку опирался на духовное единство народности [4. С. 70]. Народные (национальные) интересы и задачи должны были заключаться не в демонстрации внешней силы, а «во внутреннем благоустройстве общества, развитии начал справедливости и свободы, гуманном отношении к подвластным племенам» [2. С. 70]. Господствующий народ мог удерживать покоренные народы, превосходя их и ассимилируя, но необходимо также и согласие народов на существование в рамках многонационального государства, под его эгидой. Здесь важно, насколько комфортно их пребывание в многонациональном государстве по сравнению с гипотетическим вариантом независимости.

Понятия народности и государства у Чичерина не были идентичны. Он указывал, что многие народности разделены между государствами и наоборот – многие государства включали в себя разные народности. В случае формирования полиэтничного государства ученый считал условием его стабильности опору «на какую-нибудь преобладающую народность» [1. С. 82]. Тогда господствующая народность становится этнической основой государства, и именно она создает духовное единство всего многонационального сообщества. Прочность такого государственного образования зависела от соотношения численности и уровня развития государственной народности и остальных. Однако в любом случае полиэтничность требовала формирования жестко централизованной государственной системы, абсолютной монархии.

В качестве примера ученый использовал две, как ему казалось, радикально отличавшиеся тенденции развития национального вопроса – в Австрии и России. В первом случае доминирование австрийцев (немцев) как господствовавшей народности было утрачено, покоренные народы многократно превосходили их численно. Только абсолютная власть императора создавала ситуацию единства государства, обеспечивая «преобладание немецкого элемента». В результате революционных потрясений абсолютизм был ограничен, был заключен компромисс с венграми, сделавший их второй нацией империи, но теперь Б.Н. Чичерин не видел сил, которые смогли бы удержать империю от распада [2. С. 71].

Совершенно иной представлялась ему ситуация в России. Абсолютное количественное и качественное преобладание великорусской народности создавало прочную основу российской государственности. Другие элементы населения империи виделись ему как «мелкие племена, стоящие на низкой ступени развития» и не представлявшие угрозу государственному единству, в отличие от развитых народностей, сохранивших историческую память о своей утраченной государственности [Там же. С. 71].

Ученый предлагал прагматичный подход к проблеме сложных государств, но он не игнорировал национальное самосознание. Так, оценивая завоевательную политику государства, он не пользовался категориями справедливости и несправедливости. Вопрос состоял только в полезности завоеваний и способности удержания покоренных народов в повиновении. В такой ситуации важно было соотношение потенциала народа-завоевателя и народов побежденных [Там же. С. 73].

В Остзейском крае Российской империи, где местное население не знало своей государственности, переходя от одного владычества к другому, Б.Н. Чичерин не видел проблемы сепаратизма и не предполагал ее появления в дальнейшем. Иначе обстояли дела в Польше. Слабость государственной власти при господстве аристократической анархии облегчила ее завоевание. Однако «предания прежней независимости», т.е. историческая память, сплачивала большинство поляков, создавая непреодолимое препятствие для возможности интеграции Польши в состав России: «Поныне страна эта представляет не более как боевой пункт, удержание которого едва ли не превышает приносимых выгод» [3. С. 72].

Аналогичным образом ученый писал и о колониях. Продолжая опираться на логику рассуждений о народах, не способных к самостоятельному развитию, Б.Н. Чичерин определял колонии как «отдельные территории», заселенные отсталыми племенами, «стоящими на низшей степени культуры», «куда переселяются граждане для постоянного жительства». Либерал здесь абстрагировался от того, что многие колонии на момент завоевания обладали государственностью и уникальными культурами, относясь к ним только как к объектам экспансии европейских стран [Там же. С. 76–77]. Соответственно, и его рассуждения имели целью выявить соотношение потерь и приобретений от обладания колониями для страны-метрополии при полном умолчании о судьбе народов-колоний.

Многие завоевания вообще становились в его интерпретации вынужденными, так как были вызваны не прагматичными целями эксплуатации завоеванных земель, а лишь стремлением защитить свою территорию от соседних диких народов, «привыкших к независимой и воинственной жизни». По мнению Б.Н. Чичерина, «обуздать дикарей» можно было только покорив их. Таким образом были завоеваны Туркестан и Кавказ [Так же. 3. С. 77]. Но ученый забыл напомнить, что данные территории стали пограничными с Россией в силу ее внешней экспансии. Не народы Кавказа и Туркестана продвигались к границам России, а границы империи придвинулись к ним.

Таким образом, Б.Н. Чичерин высказывал сомнения не в справедливости утверждения о праве любой нации на создание национальных государств, а в возможности его реализации на практике. Он исходил из необходимости наличия не только готовности самой нации к созданию национального государства, но и совокупности благоприятных внешних факторов.

По мнению А.Д. Градовского, идея национального государства приходила в противоречие с господствовавшими идеями «метафизического космополитизма» и индивидуализма. Космополитизм основывался на ин-

дифферентности государственной власти к национальностям (что реализовалось в искусственно созданных многонациональных империях) и видел конечной целью человечества создание всемирной монархии. Индивидуализм сводил деятельность государства к защите прав личности, полностью абстрагируясь от форм их солидарности. Философской основой подобного подхода Градовский определял учение Э. Канта, трактовавшего государство только как юридическую форму общества. Само общество представлялось немецкому философу совокупностью индивидов (неделимого), национальная «этнологическая» принадлежность которых не учитывалась. В результате общество становилось идеально-обезличенным, а понятие государства – абстрактным. Если же основой государства рассматривать народность с ее индивидуальными чертами и «личностными» характеристиками, то, по мнению русского ученого, и государство приобретало национально-определенные черты [4. С. 8–9].

Градовский полагал, что принцип национального государства позволял отказаться от противопоставления личности и государства, общества и государства и создавал условия для взаимодействия «между всеми элементами политической народности» [5. С. 5]. То есть народность становилась как бы связующим звеном между личностью и государством. Человек развивался как личность в рамках определенной народности, являясь ее частью, и нес в себе ее отличительные черты и особенности [6. С. 232].

Ученый постулировал, что народность являлась основой, фундаментом государственной власти, которая «выражает требования национальной жизни народа как собирательной личности». Политическая власть основывалась не на божественном праве или праве завоевания, но на органической связи с народом, который она представляла. Одновременно в самостоятельности государства, праве верховной власти на независимость для ученого олицетворялось «право каждого народа на самостоятельное развитие». Государство, таким образом, трактовалось как политико-юридическая форма народности. А.Д. Градовский формулировал национальный принцип следующим образом: «Каждая народность, т.е. совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовывать особую политическую единицу, т.е. особое государство» [4. С. 13].

Ученый считал необходимым четко расставить приоритеты в дихотомии «народность – государство». Основу национального вопроса он предлагал искать в условиях культурного развития каждого народа. Первичным для него было формирование народности как «собирательной личности, отличающейся от других особенностями характера, своих нравственных и умственных способностей». Только завершенность данного процесса делает возможным создание национального государства. Но одновременно наличие государства как национальной верховной власти являлось гарантией сохранения народом своей самобытности. Утрата политической самостоятельности неизбежно влечет угрозу ассимиляции для народа, который становился «служебным материалом для других рас». Само его существование, сохранение языка и культуры приходит в

противоречие с целями данного государства. Национальные черты приобретают характер «местных особенностей», воспринимаемых как остаток старины, консервативных и мешающих прогрессу с точки зрения государствообразующего народа. В любом случае, развитие народа как самостоятельной цивилизации прекращается навсегда либо приостанавливается до восстановления независимости [Там же. С. 15].

Градовский настаивал на признании оптимальным вариантом государственной организации национально-го государства и, выступая с его апологетикой, одновременно попытался ответить критикам. Прежде всего, он возражал против отрицания роли этнического фактора в образовании государств. По его мнению, в научной традиции Европы утвердилось мнение, что национальные черты, особенности народа никоим образом не влияли на возможность создания государства. Для этих целей использовались как самостоятельные понятия «естественная народность» и «государственная народность». В первом случае подразумевался этнос, объединенный общностью языка, религии, территории. Народности естественные вариативны по отношению к государству, поскольку одна и та же народность может быть разделена между несколькими государствами либо в составе государства могут находиться несколько «естественных» народностей.

Для того чтобы стать народностью государственной, необходимо политическое единство, общность исторических целей и интересов. Этническое единство или, наоборот, этнические различия не влияют на процесс образования государства, так как в ходе его формирования происходит неизбежная ассимиляция (добровольная или насильственная) и государство выступает как представитель образовавшейся национальности. Сторонники данной позиции указывали на многочисленные исторические примеры, когда в результате завоевания образовывались «искусственные» полиэтнические государства. Тем не менее по прошествии длительного периода сосуществования в рамках общего государства они сформировались как единая нация, противоречия ушли в прошлое и подобные образования всеми воспринимались как «исторические государства», гомогенность которых не ставилась под сомнение [Там же. С. 21–22]. В результате подобной интерпретации главным нациеобразующим фактором объявлялось политическое единство.

Градовский подчеркивал, что народность была результатом не только естественного развития, выработавшего единство языка и культуры, но и сообществом, прошедшим определенный исторический путь и имевшим ощущение единства и наличие общих целей. Поэтому любая народность потенциально готова к созданию своего государства. То же сообщество, которое именуется естественной народностью, в интерпретации ученого – первичные этнические образования, «первобытные племена», которые не созрели для самостоятельной исторической жизни: «Дикари не имеют национальности» [7. С. 370]. Градовский определил их низшей по сравнению с народностью ступенью. Например, при образовании английского государства основой для создания английской народности послужила ассимиляция множества племен саксонского, бриттско-

го и кельтского происхождения. По мнению ученого, принцип национальности не противоречил племенной ассимиляции [4. С. 22]. В его трудах не предлагалось определенных критериев, отличавших стадию народности от стадии племени. Очевидно только, что это не был одномоментный переход в новое качество. Речь шла о накоплении изменений в духовной жизни этнического сообщества в результате исторической эволюции, главным итогом которого было формирование национального самосознания [8. С. 386].

На первый взгляд, складывается представление о близости воззрений Градовского и его оппонентов, а противоречия сводятся к терминологическим различиям в определении различных этнических групп. Но из контекста рассуждений русского ученого и приводимых им примеров можно сделать вывод, что речь идет о принципиальных несовпадениях в характеристике этнополитических процессов в Европе. Градовский настаивал на невозможности отделения культурно-исторических и этнических процессов от государственно-политических. Они должны были происходить одновременно, создавая двуединство национальной государственности. Тогда образование народности (нации) приобретало естественно-исторический характер.

Градовский категорически отрицал идею о нации как о сообществе, основанном только на политическом единстве и безразличном к этнической структуре. Возможность трансформации уже сложившихся народностей (каковыми были современные ему европейские), в силу различных обстоятельств объединенных в рамках многонациональных государств в новую государственную народность, он воспринимал с крайней степенью скептицизма: «Ассимиляция – главный способ образования новых народностей – есть процесс естественно-исторический, не зависящий от воли государственной власти» [4. С. 23]. При этом ему представлялись нереализуемыми как перспектива формирования единой народности в Австрии или Турции в результате насильственной ассимиляции славянских народов, так и синтез швейцарской народности на основе действительно равноправно сосуществовавших в Швейцарской конфедерации французов, немцев и итальянцев [Там же. С. 23–24]. Последний пример ученый считал особенно показательным, поскольку в Швейцарии не было национального угнетения и противоречий, и это еще более четко высвечивало правоту его взглядов. Таким образом, нация у Градовского всегда опиралась на единство политическое и этническое. Именно он был наиболее последовательным защитником национального государства.

Здесь очевидно, что отличие подхода Градовского к проблеме взаимодействия нации и государства от системы, опиравшейся на дуализм понятия «нация – народ», предложенной Чичериним и развитой Гессеном, не влияло на их сходство в принципиальных вопросах. В их трактовке этничность всегда была напрямую связана с государственностью. В мононациональных государствах эта связь была очевиднее, так как национальность после обретения государственности становилась народом. В многонациональном государстве этническая основа реализовывалась опосредованно, через доминирующую народность, подавляющую государст-

венный потенциал других этнических элементов и становящуюся «этническим лицом» государства. Но определение готовности народов к созданию государства только при реализации определенных условий давало возможность манипуляции критериями «зрелости» в политических интересах заинтересованных государств.

Данный подход хорошо иллюстрируют размышления М.М. Ковалевского. В своем анализе форм национально-государственной организации он обратился подробнее всего к опыту Австрии [9; 10. С. 690]. Анализируя произошедшие изменения в государственном устройстве Австрии, в связи с ее преобразованием в своеобразную дуалистическую монархическую федерацию, Ковалевский сделал ряд выводов, которые в определенной степени можно было экстраполировать и на Россию.

Прежде всего, он считал невозможной схему национально государственного устройства, подходившую для всех стран [Там же. С. 693]. В условиях чрезвычайно сложного, исторически сложившегося расселения народов попытка слепого подчинения принципу совпадения политических границ с этническими неизбежно грозила любому многонациональному государству вспышкой межнациональных конфликтов. В представлении Ковалевского, развитие равноправия в многонациональном государстве не должно было нарушать стабильности, исторически сложившегося территориального деления. Поэтому при рассмотрении вопроса о политической автономии он предлагал определять возможность ее предоставления не всем народностям, а только «историческим», т.е. имевшим опыт государственной самостоятельности. Остальные народы должны были довольствоваться гражданским равноправием и правом на свободное развитие национального языка, культуры, образования [Там же. С. 691].

К.Д. Кавелин, не останавливаясь на теоретических аспектах проблемы взаимодействия этнических форм и государственности, сосредоточился на освещении практической реализации национальной политики в России. Ученый выделял российское сообщество как уникальное по своей многонациональности историческое образование. Именно полиэтничность, по его мнению, была благоприятным условием для дальнейшего развития России, «несомненным залогом нашего великого исторического будущего» [11. Стб. 1218]. Консолидирующей силой выступало «преобладающее сильное великорусское ядро» [Там же. Стб. 1216–1217]. Ученый подчеркивал толерантность русского народа, которую он определял как особую форму космополитизма, заключавшуюся в признании этнических и религиозных отличий других национальностей при сохранении собственного чувства национального достоинства. Тем нелепее выглядели попытки русской «патриотической публики» идеализировать все, что они полагали русскими национальными чертами, и оскорбительно отзываться о качествах, якобы присущих другим национальностям. Либерал призывал вспомнить, что «наши сограждане, другой народности и веры, вместе с нами образуют одно политическое тело, наравне с нами несут государственные тяготы и повинности, наравне с нами участвуют в поддержании нашего политического значения и роли посреди других госу-

дарств» [11. Стб. 1216–1217]. Таким образом, полиэтничность может стать благоприятным фактором только при условии отказа русской общественности от национального самовосхваления и создания возможности для реализации потенциала представителей всех народов, проживающих в России.

Указывая на необходимость продолжения расширения полномочий местного самоуправления, К.Д. Кавелин возражал оппонентам, высказывавшим опасения об усилении опасности сепаратизма в результате принятия подобных мер. Ученый призывал считаться с политическими реалиями. По его мнению, источником сепаратизма в национальных регионах на западе и северо-западе империи являлась местная элита. Непосредственно после завоевания этих территорий имперской власти приходилось считаться «с богатым, влиятельным и могучим политически развитым меньшинством, с его вкусами, привычками, стремлениями и историческими воспоминаниями». Обладая значительным влиянием, аристократия служила источником сохранявшегося длительное время напряжения, организуя восстания и обращаясь за помощью к другим государствам.

Однако по прошествии времени ситуация в опасных регионах существенно изменилась, прежде всего за счет процессов социально-экономического развития: «Центр тяжести народной жизни мало-помалу переместился и в этих краях из меньшинства в большинство, а с тем вместе и прежние пружины деятельности и мотивы, которые могут вызвать в них волнение, глубоко изменились» [Там же. Стб. 975]. Проведенная аграрная реформа и освобождение крестьян резко уменьшили экономическое могущество и влияние аристократии. Постепенно падала роль местного духовенства. В результате способность сепаратистски настроенного меньшинства влиять на большинство населения была практически сведена на нет. Крестьянство Польши и Литвы было не склонно руководствоваться историческими воспоминаниями. Однако местное население, сохраняя приверженность обычаям и верованиям, будет сопротивляться грубой русификации. К.Д. Кавелин также предупреждал об угрозе волнений в случае серьезного падения уровня жизни [Там же].

В любом случае, считал либерал, расширение прав органов местного самоуправления должно способствовать закреплению позитивных тенденций и в этих регионах, поскольку увеличивает возможности для сотрудничества со слоями населения, настроенными на него. Преобладание «великорусского ядра», т.е. многочисленность и потенциал русского народа служили гарантией единства империи. Однако распространение на другие национальности прав, которыми пользовались русские, создавало благоприятную ситуацию более активного их включения в общие процессы и использования преимуществ полиэтнической общности [11. Стб. 976–977].

В то же время К.Д. Кавелин предостерегал от проведения насильственной русификации и использования административных методов насаждения православия. По его мнению, процессы ассимиляции должны были протекать естественно, как результат влияния богатейшей русской культуры. Тогда русский язык будет изучаться добровольно для приобщения к

ней, в силу необходимости получения высшего образования [11. Стб. 977].

Позитивным примером, когда максимальная автономия территории способствовала постепенному вовлечению в общероссийскую систему, либерал представлял Финляндию. Сохранение традиционной религии и культуры, использование местных политических институтов привели к усилению позиций элементов, лояльных к имперским властям, и блокировали влияние противников [Там же. Стб. 975]. Но подобная политика имела смысл в экономически и политически развитых регионах. Отсталые территории Азиатской части К.Д. Кавелин рассматривал как колонии, где следовало сохранять имперское административное управление, создавать условия для массового переселения из развитых областей и «свободной деятельности выходцев из империи» [Там же. Стб. 978].

Таким образом, российские либералы позитивно относились к тенденции формирования национальных государств. Однако они не соглашались с трактовкой права национальностей на создание своего государства как универсального принципа, который должен был носить обязывающий характер и закрепляться в каких-либо международных нормах. Это скорее виделось им возможностями, реализуемыми каждым народом в зависимости от своих способностей к «государственной жизни», включавшими способность народа подчиняться государству ради решения общих задач. Речь шла не только об особом «таланте» народа, но и о совокупности внешних и внутренних обстоятельств, благоприятствующих или препятствующих формированию национального государства. Поэтому никакая декларация права нации на свое государство не способна создать условия для их реализации и проблема создания национальных государств решалась в области политики, а не права.

Идея «исторических народов», присутствовавшая в воззрениях западников, российскими либералами в 1860-е гг. была отвергнута, но стадийность в понимании ступеней этнического развития осталась. В результате при признании равенства потенциалов развития всех национальностей присутствовало представление о различиях в уровне их зрелости для самостоятельной исторической деятельности на современном этапе, в том числе и как опоры государственности. Фактически это приводило к искусственной дифференциации различных этнических категорий: «нации» могли реализовать возможности по созданию собственного государства, а «племена» – нет. В составе Российской империи статус «нации» признавался практически всеми либералами за поляками, финнами, реже за малороссами. Остальные народы Российской империи воспринимались как «племена». Особенно это заметно в отношении к народам Закавказья, Сибири и Средней Азии, которое можно охарактеризовать как утилитарно-колониальное. Эти народы «рисовались» в трудах либеральных авторов и в либеральных изданиях отсталыми племенами, которым Россия несет европейскую государственность, экономический и культурный прогресс. Поэтому в либеральной литературе демонстрировалась готовность обсуждать вопрос об автономии Польши (теоретически в отдаленном будущем). Госу-

дарственные же перспективы «племен» виделись не иначе как в составе Российского государства. Аналогичный подход распространялся на проблему ассимиляции. Насильственная ассимиляция воспринималась негативно. Однако естественная ассимиляция «племен» «национальностями» считалась оправданной и исторически справедливой, более того, выгодной для «племен», так как стимулировала их прогрессивное развитие в составе более развитого сообщества.

В достаточно длительной перспективе Россия должна была сохраниться как полиэтническая общ-

ность, но либералы не рассматривали Российскую империю как многонациональное государство. Единственной государственной нацией должны были оставаться великорусы. Подобный подход можно трактовать как реализацию принципа единого подданства, когда представители всех народностей (национальностей) приобретали статус русских (россиян) как граждане Российского государства с одинаковыми правами, позволявшими реализовывать свою этническую идентичность, но без претензий на политическую автономию народности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. I. М. : Тип. Кушнерев и К, 1894. Т. 1. 492 с.
2. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. II. М. : Тип. Кушнерев и К, 1896. Т. 2. 437 с.
3. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. III. М. : Тип. Кушнерев и К, 1897. Т. 3. 558 с.
4. *Градовский А.Д.* Постановка национального вопроса по отношению его к политике // Собр. соч. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 7–27.
5. *Градовский А.Д.* Национальный вопрос в истории и литературе. Введение // Собр. соч. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 5.
6. *Градовский А.Д.* Национальный вопрос // Собр. соч. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 225–263.
7. *Градовский А.Д.* Реформы и народность // Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6. С. 353–374.
8. *Градовский А.Д.* Тревожный вопрос // Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6. С. 384–393.
9. *Градовский А.Д.* Возрождение Германии и Фихте Старший // Собр. соч. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 107–159.
10. *Ковалевский Н.Н.* Национальный вопрос в старом и новом свете // Вестник Европы. 1885. № 7. С. 677–731.
11. *Кавелин К.Д.* Узатис-латыш // Собр. соч. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Стб. 1213–1218.
12. *Кавелин К.Д.* Политические призраки // Собр. соч. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Стб. 927–994.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 января 2012 г.